

ЗАВИСИМОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИФИКИ ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТ МЕСТА ЕГО БЫТОВАНИЯ

С. П. Праведников

Курский государственный университет

Наличие связи между набором языковых средств того или иного устно-поэтического произведения и территорией, на которой это произведение существует, неоднократно отмечалось в специальной литературе. Делались попытки выявить специфику в употреблении лексико-тематических групп, конкретных частей речи, кластеров, отдельных слов (см., напр.: 7; 9, 10). Как показывают наблюдения исследователей, главным препятствием на пути отыскания так называемых “фольклорных диалектов” являются, с одной стороны, сложность отграничения пространственного фактора от временного и, с другой стороны, проведение черты между территориальным (коллективным, объединенным единым местом) и индивидуальным. Вопрос о том, что именно – время или пространство – наложило отпечаток на языковую ткань фольклорного произведения, решить проще, поскольку можно ограничиться материалом, записанным в определенные сроки, и учесть не раз отмечавшуюся способность эпического слова к консервации. Для разграничения диалектного и идиолектного в фольклоре достаточным критерием являются количественные параметры: единичность использования языковой единицы выступает как показатель идиолектности. Кроме того, к идиолектной относят лексику, отмеченную в текстах только одного исполнителя не менее трех раз [3, 289].

Как известно, эпический текст каноничен. Неукоснительное следование традиции, формульность и еще целый ряд факторов играют важную роль в формировании эпического произведения, требуют тщательного отбора языковых элементов, использующихся при исполнении. “Народные мастера строят устно-поэтические произведения по определенным сложившимся в фольклоре образцам, которые заполняются словами определенных классов и устойчивыми фрагментами текста и в которых каждому из них отведено свое место” [1, 30]. Ясно, что в таких условиях доля индивиду-

ального вклада не может быть объемной, но то, что она обязательна, доказывалось неоднократно (см.: [6; 14]). Введение в сформировавшийся организм былины любого индивидуально-авторского элемента связано с поэтической природой фольклорного слова. Как бы произведение ни зависело от канона, “сам канон предписывал особый механизм обновления, основанный на поэтике слова” [5, 148].

Одним из факторов, который мешает проведению максимально корректного сопоставления былинных текстов, записанных в различных регионах, является сюжетная разнородность эпических сборников. Так, например, если в одном сборнике былин помещено несколько версий старины о Садко, а в другом лишь одна или вообще ни одной, то совершенно очевидно, что набор слов, связанных с морской тематикой, плаванием, кораблем, будет богаче и частотность этих слов будет выше в словнике первого сборника. Руководствуясь данным наблюдением, считаем целесообразным сузить круг исследуемого материала, ограничив его сюжетно, для чего выбираем одну былинку – о Михайле Потыке. Это одна из самых больших по объему русских эпических песен (вариант, записанный в Пудожском крае от исполнительницы Пашковой, состоит более чем из тысячи стихотворных строк).

Былина многосоставна, имеет сложную композицию и представлена в разных эпических сборниках в различной степени сохранности. Как считают исследователи, она “составляет лишь один эпический песенный фрагмент в целой мозаике жанров, связанных с одной и той же темой семейных конфликтов. В эту мозаику... включены и сказка, и лирическая песня, и быличка, и народная баллада. Мы имеем дело с многожанровыми пластами народной культуры, предстающими в разнообразных составах и комбинациях на разных исторических этапах” [12, 392]. Д. М. Балашов не случайно заметил в работе, посвященной этой эпической теме: «Уже то, что певцы помнили ее (былинку о Потыке. – С.П.), несмотря на сложность композиции, до самого заката эпической традиции, заставляет внимательней отнестись к этому сюжету» [2, 26]. Следует сразу оговориться, что перед

© Праведников С.П., 2006

¹ Начало этому было положено первыми собирателями фольклора. См. высказывания на этот счет П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и др. [14].

нами не стоит задача сопоставления всех известных на данный момент текстов (а их свыше сорока)²; наша задача – выявить региональную специфику языковых средств былин этого сюжета.

Приступая к анализу, хотим обозначить основное положение, которым будем руководствоваться. Это положение о принципиальной двуслойности языка устного народного творчества, согласно которому первый слой, состоящий из опорных слов и устойчивых сочетаний, количественно невелик; он составляет скелет фольклорного произведения. Второй слой представляет собой совокупность всех остальных слов, и именно здесь обращает на себя внимание диалектно дифференцированная лексика. «В условиях органической взаимосвязи двух слоев диалектность одного не может не предопределить какую-то степень территориальной дифференцированности другого. Не обязательно на уровне набора слов, это может быть на уровне текстовых связей» [14, 115].

Остановимся на анализе одной группы слов – диминутивах, которые употребляются в былине «Михайло Потык». Диминутивная лексика занимает особое место в структуре устно-поэтического текста, являясь своеобразным показателем фольклорности. «Важным критерием выделения фольклорных слов является ... употребление уменьшительно-ласкательных форм как особого средства эстетического отношения песни к действительности» [15, с. 59].

Рассмотрим тексты, зафиксированные в разных регионах³. Былина была распространена к моменту записи в Прионежье, Архангельской губернии (в том числе на берегу Белого моря), на Печоре и на Урале. Уральский регион представлен одной былинной, всего одна запись сделана и на Печоре; онежская традиция располагает наибольшим количеством записей – пятью, на Мезени и на беломорском берегу собрано по три варианта на интересу-

² Это задача фольклористов. Напомним высказывание В. Я. Проппа: «Прежде всего былинку надо правильно прочесть. Чтобы решить эту задачу, недостаточно прочитать два-три текста на каждый сюжет. Нужно прочитать все имеющиеся записи, сопоставить и сравнить их» [11, 19].

³ Для анализа привлекались тексты: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. – Т. III: Мезень. – СПб., 1910. № 29, 70, 109; Былины Печоры: в 2-х т. – СПб.-М., 2001. № 260; Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым / Подг. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. – 2-е изд. – М., 1977; Беломорские былины, записанные А. Марковым. – М., 1901. № 8, 74, 100; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3-х т. / Под ред. Б. Н. Путилова. – Петрозаводск, 1989–1991. № 12, 29, 114, 166, 196.

ющий нас сюжет. Записи былин из перечисленных мест сделаны во второй половине XIX – начале XX в., что рассматривается специалистами как единый хронологический период. Исключением являются уральские былины Кирши Данилова (XVIII век). Привлечение их к сопоставительному анализу не противоречит мнению авторов «Свода русского фольклора», которые выделили временные слои расположения фольклорного материала и оговорили возможность объединения текстов нескольких хронологических периодов [4, 6]. Мы не обращаемся к записям XVII века, близким некоторым онежским редакциям. Также не используем тексты XX века, за исключением сделанных в самом его начале, поскольку некоторые поздние варианты заметно отличаются от «классических». Например, в сборнике Г. Н. Париловой и А. Д. Соимонова «Былины Пудожского края», вышедшем в 1941 году, есть три записи, но считается, что «в Пудожье былина образует особую, пудожскую, редакцию, которую необходимо признать вторичной относительно заонежских» [2, 27].

Представим процентное соотношение уменьшительно-ласкательной лексики с общим количеством слов. Диминутивы в былине о Михайле Потыке из сборника Кирши Данилова составляют 2,8 %, в печорской былине – 3,7 %, в записях Григорьева в среднем 4 %, Рыбникова – 5,4 %, Маркова – 6,5 %. Как видим, слова, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки, чаще всего встречаются в былинах, записанных на Зимнем берегу Белого моря.

Одной из самых объемных групп, объединяющих уменьшительно-ласкательные формы, является группа собственных имен. На примере их функционирования прослеживаются определенные различия, которые можно трактовать как особенности регионального порядка. Так, нет вообще ласкательных форм имени в печорской былине, очень небольшое их число отмечено в записях Рыбникова: в трех текстах из пяти они не зафиксированы ни разу, в двух встречаются, но очень редко: в былине, записанной от колодозерского старика, дважды употреблена форма *Добрынюшка*, соседствующая с полной формой *Добрыня* (3 словоупотребления). Еще в одной онежской былине, исполненной каликой из Красной Ляги, отмечены две диминутивные формы: *Добрынюшка* и *Марьюшка* при наличии более часто употребляемых полных форм *Добрыня* и *Марья*. В обеих названных былинах явно преобладают полные формы имен: *Михаил*, *Илья*, *Алеша*, *Опракса*.

В трех мезенских былинах представлены различные ситуации, связанные с использованием собственных имен в уменьшительной форме. В одной из эпических песен, записанной от А. П. Чуповой, активно используются имена *Михайла* (100 употреблений), *Марья* (40), *Марфа* (7), ласкательным именем назван только Добрыня – *Добрынюшка* (5). В другой записи от А. М. Мартынова-Малого большинство имен героев равноправно представлено обычными и уменьшительно-ласкательными формами: *Марья* (8) и *Марьюшка* (20), *Добрыня* (13) и *Добрынюшка* (9), *Олеша* (17) и *Олешенька* (13). Имя Михаил для называния главного действующего лица не применяется, герой называется или Потыком сыном Ивановичем, или просто Потыком.

Заметим, что и в онежской, и в мезенской традициях ласкательное имя чаще других применяется по отношению к Добрыне. В некоторых былинах только он из всех персонажей называется именем в диминутивной форме. Для сравнения: Илья Муромец, который почти везде принимает участие наравне с Добрыней, всегда называется только Ильей.

В третьей мезенской записи (исполнитель А. В. Потрухова) из всех героев только Михайло Потык назван ласкательно: 61 раз использовано слово *Михайлушка*. Среди существительных оно занимает первое место по употребительности, да и в общем словнике его позиция достаточно высока – третья после слов *да* и *он*.

Избирательность в выборе ласкательной формы для того или иного имени обнаруживается и в уральской былине. Здесь отмечено одно существительное *Авдотьюшка*, оно употребляется часто, занимает девятнадцатую позицию в общем списке лексем, среди существительных расположено на пятом месте (причем, все стоящие выше по рангу существительные – тоже имена собственные, но в исходной форме).

Наибольшим количеством уменьшительно-ласкательных имен характеризуются беломорские былины. Наряду с формами *Михайло* и *Авдотья* присутствуют *Михайлушка* и *Авдотьюшка* (в одном варианте быliny герой носит имя не *Михайло*, а *Потык сын Иванович*, что наблюдалось и в мезенской традиции). Кроме того, отмечены в одном случае *Марфушка* и *Марьюшка* и повсеместно *Добрынюшка*.

Вообще беломорские былины о Потыке, как уже говорилось, сохраняют наибольшее число диминутивов. Подробно рассмотрим это на приме-

ре записи, сделанной А. В. Марковым от В. И. Чекалева в Верхней Зимней Золотице. Помимо часто употребляемых имен собственных и широко распространенных независимо от места записи слов *батюшка*, *брателка*, *солнышко*, певец использует еще три десятка диминутивов (самый высокий показатель среди всех анализируемых текстов; в двух других беломорских былинах этот показатель тоже весьма высок – 22 и 24). Исполнитель применяет суффиксы субъективной оценки для образования форм слов разной тематической отнесенности. Уменьшительно-ласкательные формы употребляются для обозначения одежды (*платьице*, *платочек*), мебели (*кроватька*), частей тела (*ножка*, *голове-нушка*), частей суток (*ночка*, *ноченька*), растений и животных (*кореньице*, *горносталюшка*) и др.

Уже начальные строки былины обращают внимание на повышенное содержание в тексте уменьшительно-ласкательных слов:

Собираласе *дружинюшка* хоробрая:
В первую голову государь наш Илья Муромец,
Во вторых-то *Добрынюшка* Микитичь млад,
В третью голову-ту Потык сын Иванович.
5. Да приехали к столбу да ко *растанюшкам*.
Говорил восударь наш Илья Муромец:
“Уж ты вой еси, *дружинюшка* хоробрая!
Я поеду ко царству-то как ко Дюкову
Привезу я золотой казны сорок тысячечей”.
10. Говорил тогды *Добрынюшка* Микитичь млад:
“Я поеду-ту на тихи-ти вёшны заводи,
Привезу я три *камешка* драгоценныя”
(Марков, № 100)

В первых двенадцати строках шесть словоупотреблений. Далее диминутивные формы используются при описании жилища “змеи лютой”:

Да наехали они на зымею лютую;
А горит у ей зымеино *подворыице*.
205. “Ты сойми-ко-се, Потык, да свой сафьян сапог,
Ты залей-ко моё зымеино *гнездышко*”
(Марков, № 100),

или при описании времяпрепровождения невесты Марфушки, изобилующем бытовыми реалиями:

Да сидит у меня *Марфушка* в задьней горнице
За двенадцети висучима *замоцьками*,
За двенадцетью за крепкими-ти сторожьи;
105. Ише ткет у меня Марфушка *красеньишка*,
Забират она *платоцьки*-ти красным золотом.
На *коблоцьках* сидят у ей ясны соколы,
На *набилоцьках* сидят у ей сизы голоби,
На *подножоцках* сидят у ей черны соболи
(Марков, № 100)

Следует сказать, что и в записях, полученных из других мест, часто используются уменьшительно-ласкательные формы, называющие представителей животного мира (*уточка, утица, птичка-пташица* – Мезень; *уточка, лебедушка* – Урал; *лебедка, лебедушка, голубушка* – Прионежье), жилище и его составные части (*крылечко, окошечко* – Урал; *горенка* – Мезень; *крылечко, околенка, окошечко* – Прионежье), оружие и снаряжение (*тетивочка* – Урал; *сабелька, палочка буювая* – Мезень, *тетивочка, стрелочка, седельшко* – Прионежье) и др. Что касается вооружения, то в беломорских текстах уменьшительные формы для обозначения оружия практически не используются⁴ (за исключением один раз отмеченного существительного *стрелочка* в былине, исполненной А. М. Крюковой). Зато в былине В. И. Чекалева есть *прутышки*, которыми Илья Муромец стегает Марфушку, лебедь белую, спасая Потыка. Форма *прутик* отмечена и в печорской записи, где описание этого вида “оружия” дополняется описанием последствий его применения:

Тогда Потык сын Михайлович
Походит к кузнецу, ко мастеру,
Сковать себе три *прутика* <...>
265 Ухватил прут менной
И стал стегать им змею лютую.
Менной прут Потык весь повылломал,
*Ушинки*⁵ за кожу змеи повысовал
(Былины Печоры, № 260)

Количество уменьшительно-ласкательных форм в печорской былине невелико, как и в сборнике Кириши Данилова. Заслуживает внимания одна особенность: треть всех диминутивов, отмеченных в печорском тексте, представляет собой прилагательные и наречия (*веселешенький, пьянешенький, тишешенько* и др.), что в таком объеме не характерно для былин из других регионов.

Рассмотрев особенности диминутивной лексики в корпусе былинных текстов, ограниченных рамками определенного сюжета, отмечаем многочисленные черты сходства, что естественно и ожидаемо, поскольку является проявлением единства языка русского фольклора. Вместе с тем нельзя не отметить и наличия определенной детализации, расхождения как на инвентарном, так и на сочетательном уровнях, что лишний раз убеждает в

⁴ По отношению к оружию диминутивы не характерны, но используется слово *кроволитьице*, а также – неоднократно и охотно – *петелка* и *реинка* при описании виселицы в сцене казни жены Потыка Марфушки, что можно рассматривать как индивидуальное предпочтение.

⁵ По объяснению составителей, *ушинка* – ‘заноза’.

целесообразности дальнейшей работы по отысканию фольклорных диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемченко Е.Б.* Путь былинного богатыря / Е. Б. Артемченко // Живая старина. – 2000. – №2. – С. 28–30.
2. *Балашов Д.М.* Из истории русского былинного эпоса (“Потык” и “Микула Селянинович”) / Д. М. Балашов // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. – Л., 1975. – Т. XV. – С. 26–54.
3. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Методология выявления «фольклорных диалектов»: Словарь языка фольклора об идиолектной и диалектной дифференцированности былинной лексики / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной науч. конф. “Рябининские чтения – 2003”. – Петрозаводск, 2003. – С. 288–290.
4. *Горелов А.А. и др.* Свод русского фольклора // Русский фольклор: Проблемы “Свода русского фольклора”. – Л., 1977. – Т. XVII. – С. 4–10.
5. *Гринцер П.* Поэтика слова / П. Гринцер // Вопросы литературы. – 1984. – № 1. – С. 130–148.
6. *Караваева М.А.* Особенности идиолекта былинного певца: (на примере сравнительного анализа конкретной лексики в творчестве двух сказителей) / М. А. Караваева // Фольклорное слово в лексикографическом аспекте. – Курск, 1994. – Вып. 1. – С. 24–27.
7. *Климас И.С.* Представление о «городе» в северной и южной фольклорной лирике / И. С. Климас // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч. конференции. – М., 2005. – С. 222–226.
8. *Моргунова Н.И.* Фольклорные имена существительные в народно-песенном тексте / Н. И. Моргунова // Текст как единица анализа и единица обучения. – Курск, 1999. – Вып. 1. – С. 58–61.
9. *Праведников С.П.* Кластер “Письмо” в печорских и сибирских былинах / С.П. Праведников // Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика. – Курск, 2005. – С. 5–18.
10. *Праведников С.П.* О региональной специфике былинного текста (на примере лексики, называющей оружие) / С.П. Праведников // Образ и текст: сб. материалов международной научной конференции. – Курск, 2004. – С. 187–198.
11. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 552 с.
12. *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история (работы разных лет) / И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга ун-та, 1997. – 592 с.
13. *Хроленко А.Т.* Идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора / А. Т. Хроленко // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. – Петрозаводск, 2000. – С. 298–308.
14. *Хроленко А.Т.* Словарь языка фольклора как инструмент выявления “фольклорных диалектов” / А. Т. Хроленко // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. – Орел, 1994. – С. 114–115.
15. *Хроленко А.Т.* Язык фольклора: Хрестоматия / А. Т. Хроленко. – Курск: Изд-во КГПУ, 2001. – 165 с.